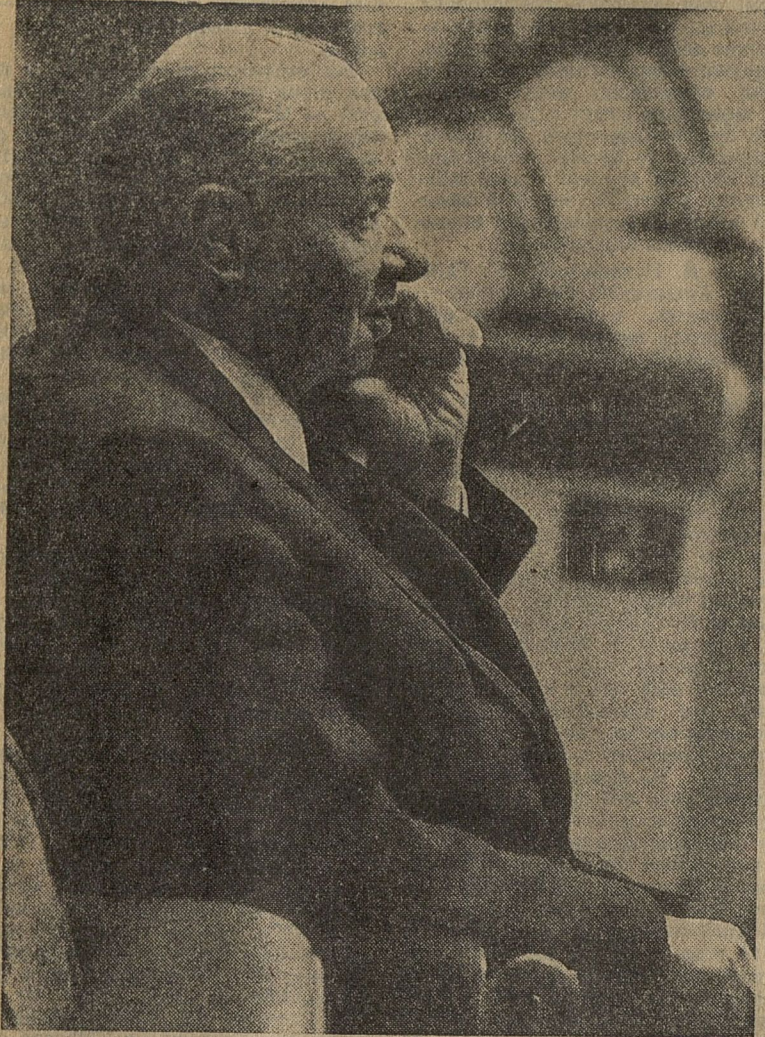

Розов В.

9/6-90

Мед. газета - 1990. - Виктор РОЗОВ: ТАК ЗРЯ ЛИ ПРОЖИТА ЖИЗНЬ?

9 мая - с. 3

Вероника. Я сейчас все время спрашиваю себя: зачем я живу? Зачем живем мы все, кому он и другие отдали свои... недосказанные жизни? И как мы будем жить?

(«Вечно живые»)

Эти вопросы звучат в вашей пьесе 1943 года. Сегодня люди спрашивают себя: так зря ли прожита жизнь? И, признаюсь, многие вокруг сегодня так и подталкивает, так и подшептывает: зря, зря... Соглашались с этим? Звучат, правда, и другие ответы: не зря. Вот Нина Андреевна защищает дорогие ей принципы; вот крупный руководитель — Е. Лигачев, например, — говорит о том, что жизнь была не такой уж плохой, а даже, напротив, были достижения, успехи. Соглашались ли с ними?

Да, им это говорить не надо. Потому что страну загнала в тулуп их идеология, их радости. Они навязывали формулу: «бытие определяет сознание», а для меня эта формула всегда была неприятной, неверной, потому что по ней, вечно полутопкой, я не должен быть счастливым.

Виктор Сергеевич, читатели знают, что вы считаете себя счастливым человеком. В автобиографической книге «Путешествие в разные стороны» у вас даже глава есть: «Я счастливый человек». Но же упали нас от каких-нибудь параллелей, не разобравшись в таких открытых самоощущениях, наперекор, все-таки надо.

Да, я написал это и говорю так. Хотя чего только не пережито! Войны, голод, разрухи, вечные недостатки, гнетущий страх, — казалось бы, я должен считать свою жизнь несостоявшейся. А я пишу, что я счастливый человек. Я говорю о своем личном микромире. Каждый строит свой микромир сам, и тут многое зависит от него самого, а не только от обстоятельств. Зависит — как человек себя в этой жизни ощущает, чего он от жизни хочет, чего ищет. Мы очень часто видим жизнь не с первоначальной ясностью, а затуманенным суетой и соображениями взором и не замечаем вечных, всеобщих и всеобщих гармоний и красоты мира.

Но можно ли, строя свой микромир, отстраниться от всего, что происходит вокруг: рядом же беда, общие аресты, лагеря, от голода гибнут, — как в этих обстоятельствах ощущать себя счастливым человеком?

Для меня политика — это всегда было где-то далеко.

В детстве мы «паслись» во дворе моих друзей, родители их — образованные, добрые, сердечные люди. Средь была интересная, одухотворенная. А политика? Мы знали: Ленин, Троцкий, по Волге ходили два парохода — «Лев Давыдович» и «Лев Троцкий». Потом узнали Рыкова, но главным образом он замечен был тем, что разрешил опять водку, правда, тридцатиградусную, а не сорокаградусную. Буденный, Ворошилов. Да, имена знали. А что они там делали, что делало правительство — это какой-то другой мир, ну, как другая галактика. А мы в это время играли, смеялись, влюблялись, купались в Волге, ныряли, ходили в походы, ловили рыбу... Вот это нужно очень отличать: другая галактика.

Одно время в Москве я жил на квартире режиссера А. Д. Попова. Однажды он вошел потрясенный и сказал: убили Кирова. А меня это не потрясло, я понял, что убили кого-то, но я не знал, кто Киров. Когда я об этом написал в книге, мой товарищ драматург Александр Петрович Штейн сказал: ну, Виктор, бросьте притворяться, как вы могли не знать, кто такой Киров? Не знал. Ну зачем мне знать, кто руководит ленинградской партийной организацией, когда я вообще беспартийный всю жизнь, и мне это неинтересно? Для меня тот мир — это другая галактика. Я чем жил? В Костроме читал много прекрасных книг, и от этого приходил в восторг; а потом, постарше — читаю Достоевского, и этот гений поднимает меня в высоту, я с ним на небесах — как я могу быть несчастлив? Я влюблюсь в девушку — как могу быть несчастлив? Иду на рыбалку и вытаскиваю большую рыбу — как я могу быть несчастлив? Да сколько радостей-то в жизни, да как же! Потом я увлекся театром, страстно, потом приехал в Москву учиться — бо-

ди. Подожди и помоги стране. В стране еще так все нестабильно, еще жива угроза опять закрытого общества, угроза конфронтации, и в это время... Нехорошо. И я повторяю, что не литовский народ виноват, а виноваты руководители. Национализм возбудить очень легко — русский национализм, узбекский, армянский — любой, легко сыграть на этих не очень благородных чувствах.

— Виктор Сергеевич, а как вы относитесь к тезису всеобщего покаяния?

— Нет, нет, этого я не признаю. Ну кому хочется, пусть каются. Но в чем мне каяться? В том, что меня били по голове? Могут ли рабы каяться в том, что они жили в рабовладельческом обществе?

— Но патриции?

— Патриции пусть и каются. А толку что?

Конечно, те, кто виноват прямо, должны были понести наказание. В каком виде, не берусь сказать. Но этого не сделано. И у меня язык не поворачивается призывать искать всех, кого надо наказывать. Много времени прошло с тех пор. Хотя живы еще люди, у которых руки по локоть в крови. Живы и не наказаны. И пенсии получают. Но они должны помалкивать в трилоху: дышишь, ну и дыши. У меня наблюдений на этот счет довольно много. Но вот этого всеобщего покаяния — нет, этого я не принимаю и не хочу, чтобы калялись. Патриции — да, но рабы? А патриции все умерли: Сталин, Брежнев, Суслов, Черненко — кому каяться-то? А тех, что остались еще живы, — не хочу, я их покаяний ни слышать, ни видеть... Всеобщее покаяние. Пустая фраза. Опять какие-то идеи, вместо одних пустых идей — другие...

Единственно важно — это не допустить возврата к прошлому. Почему Нина Андреева так возмущала многих людей? Она призывает к проклятому прошлому. И она тем увереннее делает это, чем больше раздается вокруг стон: ой, как плохо сейчас, никогда так плохо не было! Что за ерунда! Пальцев на руках не хватает, чтобы посчитать, когда было действительно ужасно. Ну как же можно сравнивать? Это какая-то иллюзия, что раньше, при Брежневе или при Сталине, было лучше, и в магазинах больше было товаров. Меня удивляет эта аберрация. Я посчитал и насчитал лишь несколько лет, когда было все или многое на полках. К сожалению, люди забыли, а я помню голод гражданской войны, я помню голод страшный в тридцатые годы. Не хочу говорить, что сейчас хорошо, но против утверждения, что раньше было лучше.

И я сейчас не хочу уж слишком глубоко вникать в мир политический. По телевизору так надели эти выступления, — ну нельзя же столько, такое ощущение, что люди друг друга не слушают и не понимают. — Так вы считаете, что во время сессии съездов у телевизора мы больше теряем, чем находим?

Конечно. Лучше б книжки хорошие читали.

— То есть вы за иные ценности?

Да. Есть настоящие радости. Настоящие радости — это радости бытия. Не социального, не политического. Хотя они и играют в нашей жизни свою роль.

Не думайте, что какой-нибудь американец или швед счастливее вас. У них свои страдания, свои заботы, свои беды. Даже миллионеры бывают несчастны. Онассис, самый богатый человек, подарил сыну самолет в день рождения, а сын на этом самолете разбился. — и что все богатство? Вот это высшие ценности — ребенок, дети... Как мне понравился ответ Елены Николаевны Гоголевой, актрисы Малого театра, которой 90 лет! Ее спросили: Елена Николаевна, когда вы были наиболее счастливы? И она: я была счастлива, когда меня приняли в Малый театр, и была безмерно счастлива, когда сын вернулся с войны живой. Он летчик, был сбит, попал в плен, пережил ужас и вернулся живым — это такое счастье... Вот они — настоящие-то радости! А то бы она ответила — по шкале «принципиальных» счастливых: когда меня наградили орденом... Ерунда!

Надо перестать политизировать жизнь. Перестать показывать по телевизору эти дебаты, потому что людей втягивают в то, чего люди понять не могут. И не надо им этого понимать. Если хочешь, читай, — выходят газеты, стенограммы публикуются. А втягивать всех, да еще один говорит одно, довольно убедительно, другой — другое, тоже очень убедительно, человек пытается разобраться, тратит мозговую энергию, клетки, а ведь это не его дело. Его дело другое.

Этот навал политизации я считаю вредным для общества.

— Но как же не интересоваться, что решат на сессии, ведь это касается каждого из нас. Да и за свободу повоевать тоже хочется.

— Нет, не надо воевать за свободу. Вот за свободу воюют сейчас армяне, азербайджанцы, литовцы, собираются воевать украинцы, грузины... Вот этого, по-моему, не надо. Потому что сначала нужно государство поставить на ноги. Мне нравится многонациональное государство, мне нравится луг с цветами разными, не одноцветье, а с разными цветами. Многоцветье. Но я за то, чтобы они жили так же хорошо, как, условно говоря, хорошо живут все штаты Америки. И живут вместе, хотя в каждом штате свое правительство.

Я отношусь к поведению литовцев резко отрицательно. Но, конечно, не к простым людям, которые вовлечены в эту авантюру, а к руководству. Я говорю о литовских делах не с политической точки зрения, а только с нравственной. Это пусть историки копают договоры вплоть до самого первого, когда Литва вошла в состав Российской империи. А сейчас, в такое трудное для страны время, когда предпринята попытка свернуть на естественный путь развития, они делают то, что не надо делать. Подож-

РАЗГОВОР

СО СЧАСТЛИВЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

тика. Их запрещали — политика. И вы же боролись. С чиновниками, с запретами, с теми, кто занимался идеологией и политикой.

— Не боролся. Первая моя пьеса пролежала 13 лет. Ее запрещали. Но я не принадлежу к тем, кто борется. У меня была уверенность, что они пойдут.

«Кабанчика» запрещали по «просьбе» ЦК. Но на секретариате писательском очень уважительно говорили обо мне: вы знаете, как мы вас любим, но эта пьеса ваша ужасна. Сильно ругали, но очень уважительно. Я переживал, конечно, но пьеса потом пошла. И «Гнездо глухаря» мытарил, мытарил, тотую постановку уже запрещали — ой!

— У вас есть обида на этих людей, которые мытарил, ругали, хоть и уважительно?

— Нет, у меня нет обиды на них, у меня есть к некоторым чувство унылой горечи. Хотя, пожалуй, к одному человеку — презрение; он был на большой должности в ЦК, заведовал всей культурой и пропагандой...

— Кто же это?

— Не хочу называть. Сначала-то у нас были приличные отношения, но потом... Мне говорили, что даже его служакшие боялись входить к нему — кричал, топал ногами. Последний раз я был у него не по своим делам, а по поводу «Метрополя», тогда, помните, как все разыгралось — я даже испугался и пошел к нему. Говорю: надо что-то делать, ведь смотрите, требуют поступить с авторами «Метрополя», как с власовцами: одних расстреливать, а других ссылать, нельзя же так! Говорят, Форрестол, министр обороны США, выбросился в окно в истерическом припадке. Вот мне показалось, что и мой соседник выпрыгнет в окно прямо из здания ЦК — в таком он был истерическом состоянии.

— А говорите, что не боролесь...

— Ну, не очень сильно, в пределах. Я понял (и, кажется, писал об этом), что в процессе борьбы можно и самому деформироваться и даже остервенеть. Я не требую от человека больше, чем он может, да и нельзя требовать от всех героизма. И я не герой. Писем никаких ужасных я не подписывал, много раз как-то удерживался на до-

статочной высоте, хотя если говорить откровенно, то и не совсем на высоте. Вот мне звонят: Виктор Сергеевич, придите на секретариат, будем исключать Солженицына из Союза писателей. Я, как герой, должен был бы сказать: я приду, но выступлю в защиту Солженицына, вы не имеете права, это крупный писатель и так далее. А я ответил: зачем я пойду, его исключила Рязанская писательская организация, со мной не советовались, а теперь я должен подтвердить их решение? Этого я делать не буду — и не пошел. Но если бы я был герой, я должен был бы пойти и сказать... Значит, я тоже сыграл труса в какой-то степени, меня хватило только на полумеру.

Я не герой, так как же я могу требовать от других героических поступков? Вот сейчас пишут о разных людях прошлого, разоблачая, клеймя, уличая, — нет, нет, не могу принять эту сторону. Вот критикуют Фурцева, Демичева, Попова (тоже был министром культуры) и тех, кто письма подписывал. Да, подписывали и подлецы, но подписывали и хорошие люди, понимаете, обстоятельства жизни. Мне кажется, надо уметь пройти мимо этого. Нельзя так долго жить назад. Надо двигаться вперед.

— Виктор Сергеевич, вам удалось построить свой счастливый, одухотворенный микромир. Но каждому ли под силу это?

— Надо стараться. Несмотря на все наши прототипы и убытки, сегодня достаточно возможностей для духовного развития. Книжки все на месте, классика великая. И даже пополнилась писателями, которые не издавались по разным причинам. Это раз. Выставок — огромное количество, и прекрасные выставки — тоже хорошо. Вот кинокартин духовных очень мало. Спектаклей духовных очень мало. Иаль. Время такое. Но пройдет. Надо перетерпеть.

— Но, может быть, стремление к красоте обидной жизни, к тому, чтобы не чувствовать себя унизительными доставалами, тоже лежит в плане духовном?

— Если эта красота — только шмутье, то это не красота.

Ну о чем говорить? Плохо, когда нет необходимого, но не возводите это в такую превосходную степень. От этого делаются несчастными.

Я за то, чтобы было всего так же много, как в Западной Европе, как в

Америке, как в Японии. Такого же хорошего. Но — нету сегодня у нас, нету. И что же — теперь каждый день, каждый час быть из-за этого несчастным? Нить, нить, нить... Вот тогда действительно жизнь окажется зряшной.

Повторяю: я сторонник того, чтобы мы не бегали, не искали зубную пасту, или туфли, или что-то еще, но вот это надрое стремление к шмутье мне омерзительно. Мне очень нравится, когда я вижу на улицах нарядно одетых женщин, девушек, но чтобы это было смыслом жизни... — нет, нет, мне это не подходит. Я очень субъективен, мне это не подходит.

Ну посмотрите: на Западе меняет-ся мода ежегодно. Мода — большой стимул развития производства, но у всего этого есть и другая сторона — уже заседают великие люди и думают, как сохранить экологическую среду, как уберечь природу от обещанного развития промышленности. Тут все взаимосвязано: коснулся моды, а вышел на экологическую катастрофу. Вот эти вопросы меня интересуют очень, отсюда я прихожу к мысли: скромнее надо жить. Человечеству надо жить скромнее.

— То есть вы считаете, что аскетизм нам в жизни не помешал бы?

— Человечеству, особенно обществу американизированного типа, не хватает разумного подхода к этим проблемам. Именно разумного, сдерживающего. Я совсем не призываю к аскетизму доминиканских монахов, но призываю к разумности.

Впрочем, у нас говорить об этом рано, потому что наше общество так бедно, что прежде всего надо наладить производство продуктов питания, и недорогих, чтобы и пенсионерам были по карману.

Сейчас, я уже говорил, очень много людей, которые жалуются на то, что жить стало невозможно, жить ужасно. Я скажу так: жить стало страшновато. Почему страшновато? Нет твердой уверенности, нет стабильности. У нас есть три пути: путь горбачевский, который я поддерживаю целиком, несмотря на издержки, но это единственный естественный, человеческий путь развития. Второй — это военный переворот. Третий — народный бунт на румынский манер, только пострашней в несколько раз. Этот бунт бродит, но пережить его — не дай Бог.

Но я надеюсь, что не будет ни военного переворота, ни бунта и что у государства достанет мудрости и сил, чтобы сдержать выход стихии из берегов.

Беседу провела
Э. ШУГАЕВА

Фото В. БОГДАНОВА